

Б.Ж. ГАЛСТЯН, А.П. КАРАГУЛЯН

МОТИВЫ СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ С.И. ПАРАДЖАНОВА И В.С. ВЫСОЦКОГО

В 60-70 гг. в Советском Союзе преследовалась та часть интеллигенции, которая свободно выражала свое недовольство состоянием свободы. Точная дата знакомства В.С. Высоцкого с С.И. Параджановым неизвестна. Именно в эти годы своими свободолюбивыми идеями выступали В. Высоцкий и С. Параджанов. За свои убеждения Параджанов отсидел более 4 лет в тюрьмах, где и создал тем самым высокохудожественные произведения “Цвет граната”, “Письма из зоны”. В этих произведениях Параджанов показывает свое отношение к свободе.

Ключевые слова: свобода, творчество, инакомыслие, заключенный, тюрьма, обсуждение, культура, искусство, общественный просмотр, Советский Союз, стихотворение.

Введение. В немногочисленных и, порой, весьма труднодоступных источниках можно найти свидетельства о знакомстве В. Высоцкого и С. Параджанова, их привязанности друг к другу, огромном взаимоуважении. Попыток проанализировать их отношения предпринято не было. Вероятно, не только из-за ограниченности имеющихся материалов, но и потому, что трудно, кажется, найти двух столь не похожих друг на друга людей. Один – поэт и актер, другой – кинорежиссер и мастер коллажа.

В.С. Высоцкий был в речах очень осторожен. Знаменитый режиссёр С.И. Параджанов был трижды судим. В общей сложности С. Параджанов отсидел в местах лишения свободы пять лет.

И все же общее у них было. И Параджанов, и Высоцкий обладали умением говорить правду, быть свободными, каждый из них обладал даром востребованности.

Точная дата знакомства Высоцкого с Параджановым неизвестна. Вероятно, это произошло во второй половине 60-х годов, возможно, во время гастролей «Таганки» в Киеве в сентябре 1971 года. Как пишет редактор журнала «Украинская культура» Андрей Яремчук, «очень колоритная публика приходила в квартиру 64 по бульвару Тараса Шевченко... В те времена побывать в Киеве и не зайти к Параджанову считалось почти неприличным» [1 стр. 59].

Высоцкий бывал в Киеве довольно часто и до гастролей 1971 года. Оказывается, Параджанов хотел снять Высоцкого в своём фильме. В августе 1972

года Высоцкий и Марина Влади отдыхали в Юрмале. В это же время там был и Параджанов.

Они очень часто беседовали. Говорили о том, о чем нельзя было говорить.

Пока никто не может сказать наверняка, были ли установлены подслушивающие устройства в квартире Высоцкого. Запись же разговоров Параджанова велась, во всяком случае, перед арестом. А. Яремчук в документальной повести «Параджанов – «безумный» гений в украинской пустыне» приводит слова следователя Е. Макашова, который вёл дело Параджанова: «Он интересный рассказчик. Но я бы с ним не дружил. Знаете, почему? Он крайний эгоцентрист. Во время следствия ко мне попала магнитофонная запись. Параджанов у себя на квартире спрашивал пьяного Высоцкого: «Ну, скажи, разве есть в этой стране гении, кроме нас с тобой?» [1 стр. 64].

Возможно, последний раз Параджанов и Высоцкий встречались в сентябре-октябре 1979 г., когда Театр на Таганке гастролировал в Тбилиси. Верный себе, Параджанов пригласил к себе, на улицу Коте Месхи, весь театр. «Вино лилось рекой, песни струились, балконы ломились от фруктов» [1 стр. 64].

Параджанов отсидел четыре года из пяти, присужденных ему в 1974 году Киевским областным судом. За него хлопотали десятки советских и западных деятелей культуры и искусства, особую помощь ему оказывала Лилия Брик. Считается, что именно она попросила Луи Арагона замолвить слово за сидевшего режиссера лично перед генсеком Леонидом Брежневым, по указанию которого в итоге Параджанов и был досрочно освобожден.

Историки и биографы Параджанова считают, что обвинения в гомосексуализме и изнасилованиях и на этот раз были формальными: в действительности власти хотели таким образом наказать кинематографиста за его антисоветские высказывания, он никогда не скрывал своей неприязни к существующему режиму.

Высоцкий тоже отличался своими антисоветскими настроениями, но у него были очень большие покровители.

На современном этапе общественно-исторического развития культуры и политических процессов, которые происходят как в Армении, так и в России, творчество В. Высоцкого и С. Параджанова воспринимается в качестве определенной общественной позиции, ведь с этим связано появление двух новых направлений в культурологии и искусствоведении – это параджановедение и высокоцковедение.

Высоцковедение и параджановедение подвергаются многостороннему анализу. Рефлексия самораскрытия и утверждения особенно ощутима в концепции свободы Параджанова и Высоцкого.

При изучении творчества В. Высоцкого можно найти песни о тюрьме, но тюремные песни не напоминают блатной жанр, они показывают личность, психологический тип человека, который оказался в этой среде.

У Высоцкого в песнях о тюрьме обнаруживается целый поэтический мир, где понятие свободы подвергается рассмотрению с разных позиций, создавая тем самым в своей полифоничности единую систему.

В общих чертах эти этапы можно охарактеризовать следующим образом. Жизнь, которую заключенный провел до тюрьмы, осознается им как свободная, вольная жизнь. В ней время и пространство открыты для человека во всем их многообразии и вариативности: «И вверх и вниз / Идешь без конвоиров...» («Вот раньше жизнь!»). В то же время необходимо отметить, что это обобщенное понятие свободы на данном этапе творчества поэта не приобретает нравственно-этического оттенка смысла. Свобода в это время предстает в творчестве поэта как вольная, разгульная жизнь. Для героя не существует никаких запретов, здесь свобода обретает значение, близкое по смыслу к понятию «своевольный», т.е. «поступающий по своей прихоти; совершаемый по произволу» [3 стр. 5].

Всем известна его «Песенка о переселении душ».

Какому еще поэту мы простили бы фразу: «Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Иисуса»? Как можно верить в Аллаха и не почитать его пророка Магомета?! Но и это еще не все. Религию, которую, по словам Высоцкого, «придумали индусы», на самом деле придумал... он сам! По индуизму, идея вовсе не в том, чтобы жить бесконечно, а как раз в том, чтобы путем праведной жизни разорвать свою жизненную силу – карму – и перейти к состоянию нирваны, то есть «нежизни». Но разве мешает знание догматов индуизма нашему восприятию песни Высоцкого?

Здесь мы видим иронию Высоцкого к той жизни, где нет поэтической свободы, Нирвана – состояние свободы.

Ярким примером неприятия общества и критики руководства является стихотворение “Бег иноходца” [Я скачу, но я скачу иначе].

В эти самые “застойно-застольные” годы много общего можно увидеть в творчестве гениального С. Параджанова, который обожал и боготворил В. Высоцкого. Параджанов не пользовался благосклонностью верхушки, особенно генсека Л. Брежнева, и ему пришлось на собственной коже испытать

судьбу инакомыслящего или политзаключённого. Во всех фильмах, особенно в фильмах “Тени забытых предков” (1965), “Цвет граната” (1968), проходит жгучая и волнующая проблема свободы. Может быть, в образе Саят-Новы Параджанов показал себя, окружающую, ту среду, в которой он жил. Эмир Кустурица первый фильм назвал самым гениальным фильмом о свободе.

Если вся Москва, весь Советский Союз слушали и пели запретные песни Высоцкого, то фильмы Параджанова почти нигде не показывали, не давали ему работать, и даже по ложному доносу ему приходилось сидеть в тюрьме за преступления, которых он не совершал. Параджанов прекрасно знал и чувствовал, что спасение и смысл настоящей жизни – в творческой работе.

Именно в тюрьме он создавал то, что сегодня можно назвать “Письма из зоны”.

Из писем Параджанова явно чувствуется, что зона разделила его жизнь на “до” и “после”.

Катанян В.В. в статье “Сережа, или страсти по Параджанову” пишет:

-Но была тема, о которой он не хотел разговаривать. Он не мог ее объяснить. Не в силах постичь свою несуществующую вину, приведшую к столь тяжелому наказанию, он каждый раз уклонялся от беседы на эту тему. О причинах ареста ему было говорить тяжелее, чем о самом заключении.

На мой вопрос, почему он не хочет снять то, о чем говорит так образно, он отвечал: “Я не мог сам, добровольно, еще раз переступить порог тюрьмы”. [2 стр. 67].

Однажды он рассказал: “Как-то в зоне я увидел Джоконду, которая то улыбалась, то хмурилась, она плакала, смеялась, гримасничала... Это было гениально. Я понял, что она вечно живая и вечно другая, она может быть всякой – и эта великая картина неисчерпаема. Знаешь, почему она была то такая, то сякая? Когда во время жары мы сняли рубахи, работали голые до пояса, то у одного зека я увидел на спине татуировку Джоконды. Когда он поднимал руки – кожа потягивалась, и Джоконда смеялась, когда нагибался – она мрачнела, а когда чесал за ухом – она подмигивала. Она все время строила нам рожи!” [2 стр. 70].

Оттуда он шлет матери прядь волос с просьбой, если он не вернется, похоронить их там, где похоронены родные... Он не был уверен, что возвратится; он знал, что его “вина в том, что он родился” (из письма Светлане); он знал, что была директива не выпускать его на волю никогда, что ему будут плюсовать срок за сроком – предлог всегда спровоцируют, - и так до конца,

до смерти. Все это не оставляло места для оптимизма. Параджанов постоянно переписывался с родными и друзьями. В письмах был какой-нибудь коллаж, настоящее произведение искусства. Коллажи он делал из цветов и листьев, из конфетных фантиков, из старых газет. Все знали и понимали, что таким образом Параджанов выражает свое недовольство и мечтает о скорой свободе. Некоторые письма попали в музей Параджанова, и сегодня их можно увидеть.

В одном из писем мы читаем. “Получил – фиалки. Освоился с новым местом – пишу. Думаю, что все осложняется, надежд никаких. Надо ждать звонка. Это конец срока!!! Жутко, т.к. на эту среду я не рассчитывал. Это строгий режим – отары прокаженных, татуированных, матерщинников. Страшно! Тут я урод, т.к. ничего не понимаю – ни жаргона, ни правил игры. Работаю уборщиком в механическом цеху. Хвалят – услужлив! Часто думаю о Вас”[4 стр. 126].

В другом письме Параджанов пишет о своей судьбе. “Я, вероятно, не знаю, за что сижу и сколько буду сидеть. Я признал свою вину и должен был сидеть год. Однако я осужден на пять лет.

У меня изъята квартира, и я лишен мундира художника и мужчины.

Но это не главное.

Главное – что потом? Что будет в судьбе Светланы, сына и моего искусства, которое я еще не выразил на экране в полную меру?”[4 стр. 130].

26 декабря 1976 года Параджанов в письме пишет: “Все присланное Вами получил! Почта идет долго, задерживается, но доходит. Сегодня 18 декабря. Завтра день рождения Л.И., а вчера у меня было три года. С режимных соображений мне поставлена полоса в деле. Это -“расположен к побегу или к самоубийству”. Удивлен, думаю, что это провокация. Фильм о школе пока не снимается, т.к. это есть только желание директора школы”.

“Лагерь большой и голодный. Не знаю, какой будет следующий. Через 9 месяцев меня, вероятно, увезут снова! Приезжали ко мне актеры из Луганска. Их допустили ко мне и [на] сцену. Был почтительный восторг. Заключённые плакали. Они увидели живых актеров”[4 стр. 136].

Через Лилию Брик, письма попадали к сестре Эльзе Триоле, которая была женой Луи Арагона, известного французского коммуниста и поэта. Именно Луи Арагон в ложе Большого театра на балете “Анна Каренина” облегчит участь опального режиссёра. Брежнев к просьбе отнесся благосклонно, хотя никогда раньше не слышал эту фамилию.

Первой об этом узнала балерина М. Плисецкая. После разговора с Брежневым ей сообщил об этом Л. Арагон. Майя Михайловна дала знать, что у них впервые появилась надежда...В результате 30 декабря 1977 года Параджанова освободили на год раньше срока. В свои 86 лет это удалось Л.Ю. Брик. Параджанов не может жить в этих условиях. Он просит Л.Ю. Брик и Василия Абгаровича Катаняна составить письмо Л.И. Брежневу.

“Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Беру на себя смелость обратиться к Вам, потому что с Вашим именем я связываю счастливую перемену в моей судьбе – возвращение меня к жизни. Трагические неудачи последних лет, суд и четырехлетнее пребывание в лагере – это очень тяжелые испытания, но в душе у меня нет злобы. В то же время моральное состояние сейчас таково, что я вынужден просить Советское правительство разрешить мне выезд в Иран на один год. Там я надеюсь прожить этот год, используя мою вторую профессию – художника. Здесь у меня остаются сын 17 лет и две сестры – одна в Москве, другая в Тбилиси. Мне 52 года. Я надеюсь через год их увидеть и быть еще полезным моей родине.

С глубоким уважением,

С. Параджанов, Москва, 4 марта 1978г” [4 стр. 162].

В очередной раз следственные органы заинтересовались Параджановым в начале 1980-х. Арестованному в 1982 году режиссеру инкриминировали спекуляцию, дачу взяток должностным лицам и фарцовку. Якобы Параджанов пытался подкупить председателя Приемной комиссии Тбилисского театрального института, куда поступал его племянник Георгий, а также следователя, который вел это дело.

Параджанов в тюрьме под арестом провел 9 месяцев. За него вновь ходатайствовали режиссеры и писатели, в том числе западные. Советский режиссер Резо Чхеидзе и итальянский прозаик Тонино Гуэрра просили Первого секретаря ЦК Компартии Грузии Эдуарда Шеварднадзе освободить кинематографиста. В итоге режиссеру дали условный срок и освободили из-под стражи в зале суда.

Он считал эти дела сфабрированными. Определение сущности свободы дается как «всепреодоление», стремление к высшему «благу». Свобода в поэтическом мире В.С. Высоцкого и С.И. Параджанова выступает главной ценностью человеческой личности. Для ее достижения необходимо «преодоление» каких-либо преград, которые могут быть самыми разнообразными и неожиданными: «граница, окружение, косная мораль, быт все убожество», а порой и сама жизнь [5 стр.16]. Для героев Высоцкого и Параджанова граница

становится не только пространственной категорией, но и «скорее, социально-бытовой, а в наибольшей степени - нравственно-психологической» [5 стр.16]. Жизненная позиция героя определяется в акте выбора им своего существования в каждом конкретном случае.

Рассматривая песни о тюрьме в русле жанра «блатной песни», авторы отмечают их символичность и отход от этого жанра, что способствует «философской, этической разработке проблем личностной и творческой свободы» [5 стр.106]. Благодаря тому, что тюремная и лагерная символика «отпочковалась» [5 стр.120] от блатной песни, появляется возможность интерпретации «тюремных» текстов, выходя из рамок тюремно-лагерной тематики на более высокий уровень абстракции и философского осмысления общечеловеческих проблем. Таким образом, можно констатировать, что проблема свободы в творчестве В.С. Высоцкого и Параджанова на сегодняшний день не имеет достаточно глубокого и систематического исследования. Обзор литературы по проблеме свободы в поэзии В.С. Высоцкого и в письмах С.И. Параджанова показывает, что тема, за исключением каких-то граней, практически не разработана. Указаны лишь основные параметры этой проблемы, однако детальной работе с конкретными текстами было уделено мало внимания. В результате этого многие аспекты функционирования понятия свободы у Высоцкого и Параджанова были упущены и требуют рассмотрения на более широком материале. Роль рассмотренных нами работ неоспоримо велика и существенна, но они не отвечают требованиям основательной разработки проблемы в силу того, что в них не используется понятийный аппарат самих терминов «свобода», «воля», «свобода воли», а также опущена философская традиция проблемы свободы воли на данном культурно-историческом этапе, что оказало влияние на концепцию свободной личности в поэзии С.И. Параджанова и В.С. Высоцкого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Яремчук А.М.** Параджанов – ““Безумный” гений в украинской пустыне”. - М.: Советский писатель, 2009.
2. **Катанян В.В.** Цена вечного праздника.-Киев: Деком, 2001.
3. **Владимир Высоцкий.** Нерв Стихи 6 – е издание. – М.: Советский писатель, 1998.
4. **Параджанов С.И.** Письма из зоны (190 писем /1974-1977/).- Ереван: Гитутюн, 2000.
5. **Владимир Высоцкий.** Избранное.- М.: Советский писатель, 1988.

Բ.Ժ. ԳԱԼՍՏՅԱՆ, Հ.Պ. ԿԱՐԱԳՈՒԼՅԱՆ

**ԱԶԱՏՈՒԹՅԱՆ ՄՈՏԻՎՆԵՐԸ Ս.Ի. ՓԱՐԱՋԱՆՈՎԻ ԵՎ Վ.Ս. ՎԻՍՈՑԿՈՒ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Անցյալ դարի 60-70-ական թթ. Խորհրդային Միությունում շարունակում էին հետապնդել և պատժել ազատատենչ գաղափարներով տոգորված մտավորականներին: Այդ թվականներին իրենց ազատախոհությամբ աչքի էին ընկնում Ս.Ի. Փարաջանովը և Վ.Ս. Վիսոցկին: Ի տարբերություն Վ.Ս. Վիսոցկու, որը բարձրագույն դեկավարության (Լ.Ի. Բրեժնև) հովանու ներքո էր գտնվում և չէր պատժվում իր ազատամիտ գաղափարների համար, Ս.Ի. Փարաջանովը հետապնդվում է և 4 տարուց ավելի անցկացնում է բանտերում: Իր ստեղծագործություններում՝ «Նռան գույնը», «Կոլաժներ», «Սայաթ-Նովա», մետաֆորիկ ձևով արտահայտում է իր ազատատենչ գաղափարները:

Առանցքային բաներ. ազատություն, ստեղծագործականություն, անհանդուրժողականություն, բանտարկյալ, քննարկում, մշակույթ, արվեստ, հանրային դիտում, Խորհրդային Միություն, բանաստեղծություն:

B.J. GALSTYAN, H.P. KARAGULYAN

**MOTIVES OF FREEDOM IN THE WORKS OF S.I. PARAJANOV AND
B.S. VYSOTSKY**

In the 1960s and 1970s, the Soviet Union, intellectuals having freedom-loving ideas were persecuted and punished. In those years S.I. Parajanov and V.S. Visotski were distinguished by their freedom-loving ideas. Parajanov spent more than 4 years in prison, where he created highly artistic works “The Pomegranate Colour”, “Letters from Prison”. In those works Parajanov shows his attitude to freedom.

Keywords: freedom, creativity, dissent, prisoner, prison, discussion, culture, art, public viewing, Soviet Union, poem.